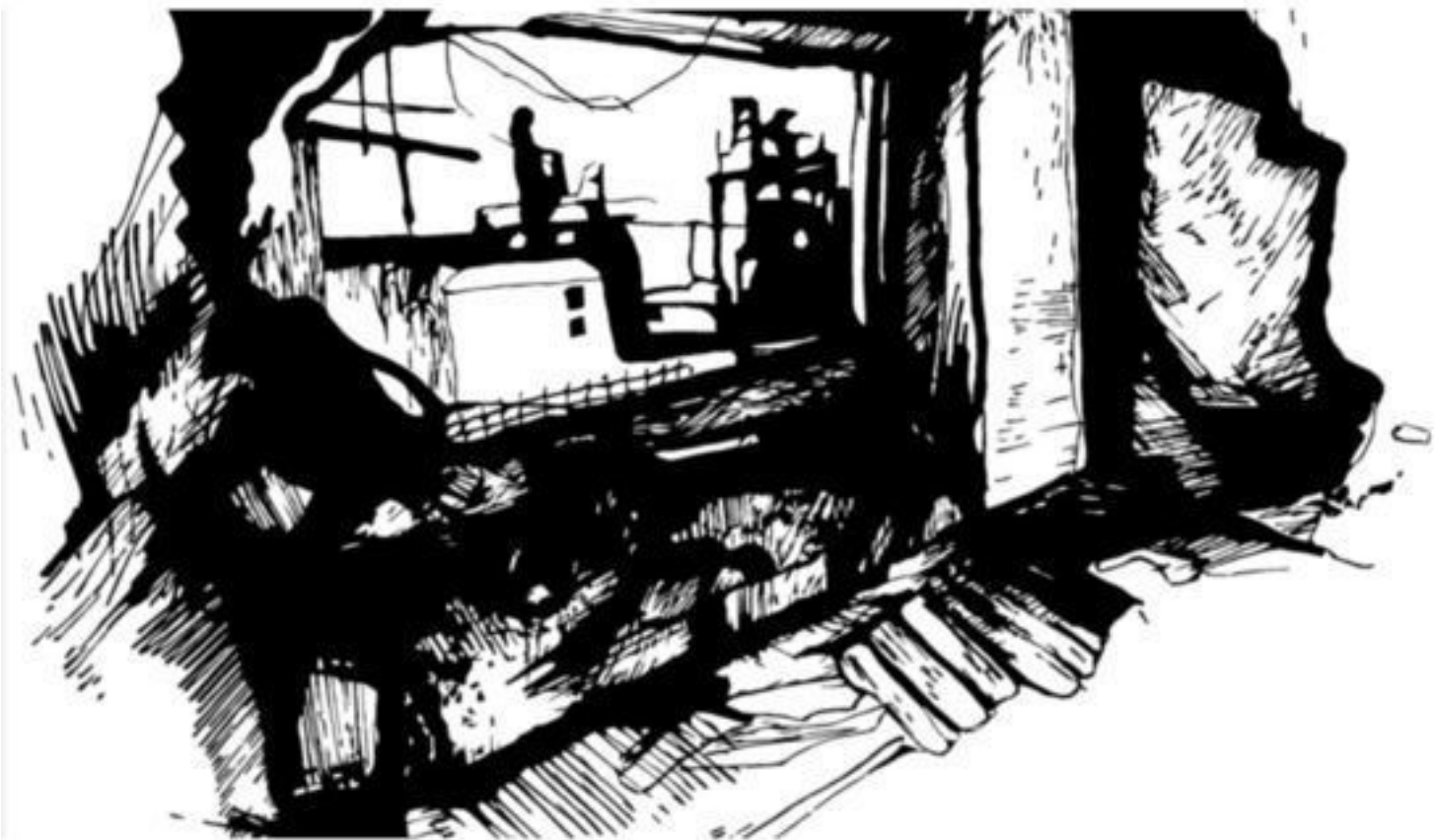

Андрей Язовских

**ПРИВЫЧКА
К ВОЙНЕ**

Андрей Язовских
Привычка к войне

«Издательские решения»

Язовских А.

Привычка к войне / А. Язовских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743502-8

Мужчина должен знать — куда он идет, должен знать — зачем он идет, и должен знать — что кроме него идти некому. А вы не видите смысла в том, что вас заставляют делать. Вас как стадо на убой ведут, все ваше никчемное поколение. И хуже вас — только те, что после вас будут.

ISBN 978-5-44-743502-8

© Язовских А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 0. Полевая форма	7
Глава 1. Стук колес	8
Глава 2. У кладбища	11
Глава 3. Котелок	14
Глава 4. Последняя ночь	16
Глава 5. Причастие	18
Глава 6. Казни египетские	21
Глава 7. Беседа	24
Глава 8. Расклад	26
Глава 9. Охотник	27
Глава 10. Глупость	28
Глава 11. Сникерсы	29
Глава 12. Чуханский угол	31
Глава 13. Соль	32
Глава 14. Хлеб	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Привычка к войне

Андрей Язовских

© Андрей Язовских, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Все события, описываемые ниже – наверняка являются вымышленными. Совпадения в именах, датах и прочем – не более чем нелепая случайность. Автор надеется, что благоразумный читатель отнесется к данному тексту не серьезнее, чем к армейским байкам, долго и нудно рассказываемым пьяным дембелем.

Глава 0. Полевая форма

В Новокузнецке, в штабе части, на одной из стен висели фотографии. Длинные ряды застывших лиц. Это не было похоже на доски почета на предприятиях периода упадка коммунистического строительства: там передовики производства вид имели лихой, даже надменный. Здесь же в уверенных взглядах чудилась тоска по чему-то такому, что нельзя вернуть. Казалось, что ордена на парадной форме тяготят кавалеров, что тесно им в отутюженном сукне, что жаждут они действия, пусть не решающего уже ничего.

Много было фотографии, где лица были веселы, форма – полевой и заношенной, а орденов на ней не наблюдалось, но такие фотографии перечеркнуты были черной лентой.

Под черными лентами – краткие похожие слова: выполняя задачу по..., отражая нападение..., принял решение..., ценою собственной жизни..., посмертно...

Люди, перечеркнутые черной лентой – улыбались, а те, что в парадной форме – нет.

Шагая по темному коридору с каким-то очередным поручением, я сбавлял шаг и старался осторожнее ставить сапоги на разошедшийся паркет. Слишком уж это место было значительным и мистическим. Тогда я уже понимал, что каждый офицер части будет на этой стене. Раньше или позже. В парадной?..

Офицеры, вернувшиеся из командировок, чудили: тревожили караул по ночам, били за надуманные косяки, напившись, ходили драться с дальнобойщиками в придорожную забегаловку у ворот части. Не все, конечно. Майоры и полковники, сдав документы, пропадали из части на весь заслуженный отпуск. Провожая взглядом их удаляющиеся фигуры, наряд по КПП болтал разные глупости о том, что делает с человеком война. И все мы знали, что большинству из нас предстояло прокатиться тем же маршрутом с кем-то из этих командиров.

Даже лейтенанты, имевшие за плечами по одной командировке, совершенно отличались от того образа офицера, который устаканился в моем юношеском восприятии мира, и представлял собой нечто среднее между Юрием Гагариным, Василием Чапаевым и совсем уж сказочным дядей Степой. Они не смотрели на нас свысока – напротив, порой с удовольствием окунались в детскую дурашливость. Но стоило зайти разговору о войне – как будто срабатывал в них переключатель и становились они вдумчивы, резки в суждениях и беспощадны в постановке учебных задач. И в момент, когда падали мы, расплескав по полосе препятствий молодые свои силовые резервы, они яростно плевались матерками:

– Обсоски мамкины, доходяги! Вас же в первом кипеше перестреляют всех, как курей! Задницу прижми к грунту!

Наоравшись, отдав команду: «На жопу садись!» – ходили беспокойно вокруг и бубнили под нос неподходящие слова:

– Пацаны! Думайте – что делаете. Пуля – она дура! Не подставляйтесь, ради Христа! Вас любой пионер – нохча задырявит, если башкой думать не будете!..

И мы тоже матерились, и злились на лейтенантов. И тоже бубнили про себя, что мы еще поглядим – кто чего стоит...

А вот контрактников я начал сторониться с самого начала, и не мог понять – отчего. Люди эти – простые и приземленные в своих потребностях, вызывали во мне страх, природу которого я сначала не мог понять. Осознал позже, ближе к дембелю.

Я боялся подхватить от них эту страшную заразу – привычку к войне. Ведь каждый из них, прошедших Первую или Вторую войну, точно так же как я, однажды приехал в Чечню, но пройдя ее и вернувшись на гражданку, уже не смог найти там чего-то, что могло бы иметь жизненный смысл.

Глава 1. Стук колес

Я не часто ездил в поезде. Разве что во времена безоблачной юности, на электричке до соседнего города, где постигал азы перспективной как тогда казалось профессии. Но электричка – это не то. Нет в ее качающихся и дергающихся вагонах того неуловимо – волшебного ощущения большого путешествия. Был один раз в детстве, когда мы с матерью и братом ездил к бабушке. Та поездка осталась в памяти ярким, шумным и теплым пятном. Мы с Сергейей не отлипали от окна и наперегонки выкрикивали названия того, что мелькало перед глазами. И так много было незнакомого и непонятного, что наверняка матери было неудобно за нас перед соседями по плацкартному загончику.

Вагон скрипел и громыхал на ходу, но полз еле-еле. Некоторые окна были заварены тяжелыми листами железа, остальные зашторены. Смотреть было не на что, кроме блуждающих туда и обратно военных, а разговоры переговорены на двадцать раз. Я молча поднялся и пошел курить.

Половина вагонного тамбура была занята хлебом. Огромные военные булки лежали на полу высокими поленницами. Курить рядом с хлебом было не в удовольствие, совестно. Выбросил окурочок в разбитое окно, и он улетел в кусты неизвестной системы.

В проходе запутался сапогом в извивающихся проводах полевой связи. Тихонько помастериваясь, попытался высвободиться, когда кто-то заворчал из купе проводника. Я почему-то решил, что обращаются ко мне, и, занятый своими думами отреагировал совсем не по-военному:

– А-а?

– Пилотку на, товарищ младший сержант!

Мужик в купе улыбнулся собственной шутке, и продолжил:

– Коньяк, говорю, будешь?

– Нет, спасибо. По сроку службы не положено еще.

– Ну, это ты зря. Откуда сам-то?

Вопрос этот, как я уже понял, является в армии совершенно обязательным при знакомстве. Каждый мечтает найти земляка, и, в особо тяжелых случаях, таковым считается даже житель соседнего с твоим региона.

– С Урала.

– Угу... А конфетку будешь?

Мужик сидел в модной в этом сезоне сетчатой майке, так что звания его я так и не узнал, как и должности. Но пораскинув мозгами, можно было предположить, что человеком он был не простым, если уж занимал единственное купе в плацкартном вагоне.

– Куда едешь то? Да садись ты, набегаешься еще поди.

– В Червленую...

– Угу... На вокзал, или к Винни – Пухам?

– Не знаю. В/ч 6776.

– Ну это они и есть – Винни – Пухи пьяные!

– Почему Винни – Пухи?

– Так они же с Сибири приперлись со всем скарбом. И технику притащили... А шевроны перешить-перекрасить видимо руки не доходят у них. Так и ходят с сибирскими медведями. Вот и Винни-Пухи.

– Ну а пьяные почему?

Собеседник посмотрел на меня как на совершенного дебила, покачал головой, отпил из стакана, поморщился и изрек:

– Так они ж, черти, бухают всю дорогу, как приехали. Поговаривают, что они под винза-
водом разбомбленным бочку нашли целую, – мужик многозначительно подмигнул левым гла-
зом – а в бочке тонны три. Так что если не брешут – и тебе того уксуса хватит.

– И что, прямо вся часть из Сибири переехала?

– Ну-у, не совсем так! Там же как дело то было. Генералы в Ханкале сидят – думу думают,
решения принимают. И вот смотрят они на карту и говорят – а чегой—то у нас в Червленной
народу так мало? Ну-у, давай организуем батальончик какой – нибудь. А где же мы народу в тот
батальон возьмем? А мы в сибирский округ напишем в каждую часть по письму – мол, дайте
одного-двух нормальных ребят на хорошее дело, на пользу Отечеству. Ну а ты сам-то подумай:
вот если ты командир части, и приходит тебе такая бумага – ты кого отправишь? Отличников
боевой и политической подготовки? Не-е-ет! Ты позвонишь начальнику караула и спросишь –
а не сидит ли кто на киче у нас сегодня? Начкар тебе скажет – конечно. На киче сидит ефрейтор
Писькин, злостный залетчик и дебошир. Ну и тут ты принимаешь единственно верное реше-
ние, что высокая честь отозваться на призыв Родины доверяется ефрейтору Писькину.

Вот таким нехитрым образом и собрался в Червленной целый батальон отборнейших
дуболомов со всей матушки Сибири. Где-то возле Красноярска они постояли пару месяцев
в поле, прошли боевое слаживание, пощупали деревенских девок за сиски, да и переехали
в Червленную.

Там же хороший пригорок то, возле кладбища, – вот они там и зарываются уже второй
месяц. Сейчас даже на военных немного походить стали, а то ведь сначала как выгрузились
со всем своим шмурдяком – табор табором.

Рассказчик мой запыхался, раскраснелся. Вновь наполнив стакан, он спросил:

– Ну а ты как поехал? Тоже залетчик чтоль?

– Есть такое дело, – соврал я, уставившись в пол, – Ну а чего не съездить то? Чем в Сибири
сапоги топтать до дембеля... А здесь хоть день за два, да и денег сколько-то заработать. Сей-
час же поспокойнее стало вроде бы, говорят?..

Я взглянул на мужика, желая получить подтверждение своих слов, и заметил, что он
совершенно изменился лицом. Сидел он, выпрямившись в спине, с пустым стаканом в руке
и явно полным ртом коньяка, не зная, что с этим коньяком делать. Когда же коньяк провалился
в нужное место, он принялся дико хохотать. Хохотал долго, залиvisto, хлопая себя ладонями
по коленям. Хохотал заразительно, только понимал я, что мне вряд ли понравится то, отчего
ему так весело.

– Попал ты, товарищ младший сержант, яйцами в двери. Нынче в солнечной Чеченской
республике стало настолько спокойно, что теперь севернее речки Терек войны нету совсем.
Соответственно дни тебе считать не будут, и денег боевых тебе не положено. Вот так!

Если это было правдой, то это была самая хреновая новость за все 10 месяцев моей
службы. Он еще что то говорил, подсовывал мне конфеты и хлопал по плечу, но я не слышал
его. Я сидел совершенно оглушенный тем, что все, на что я рассчитывал – рухнуло в одночасье.
Новость металась в моей голове, рикошетила и ломала планы, обесценивала плюсы на весах
выбора, который был уже сделан.

Очень хотелось ругаться – многосложно и звонко. Схватил свое лицо ладонями, сильно
оттягивая кожу вниз, стер пот и пробормотал:

– Ну а что хорошего то в том месте, рядом с кладбищем?

Хозяин купе вдруг посмотрел на меня задумчиво, серьезно. И думал он, наверняка, что
вот: сидит тут перед ним, бывалым воякой, какой то щегол неразумный – не битый, не тертый,
не знамо куда сунувшийся. И что станет жизнь этого щегла воспитывать, и ладно если жизнь...
Но если и думал он так, то говорить о том не стал. Сказал другое:

Но если и думал он так, то говорить о том не стал. Сказал другое:

– Песок там у них. Они чистенькие ходят, несмотря на то, что с утра до вечера окопы роют. А погляди на ту-же Ханкалу: пока штаб найдешь – как черт в глине перемажешься, по самое не балуйся.

Глава 2. У кладбища

С тем мужиком из поезда, понятия о чистоте у нас сильно различались – народ в батальоне был грязен невероятно.

Прапор оставил нас стоять возле здания штаба. Так стояли мы вдесятером и озирались по сторонам, пытаясь понять – куда занесла нас нелегкая, и что нам это место готовит.

Солдатня шла на ужин. Без песни. Без строя – просто группы молчаливых и, очевидно, загруженных не по-детски людей, человек по 5 – 15. Брели молча, громыхая закопченными котелками в грязных руках, понуриив головы и очень медленно моргая. Народ шел на ужин самыми невероятными траекториями, пробираясь между ровными рядами палаток и кучами строительного мусора, избегая встречи с офицерами, перешагивая через лужи и тоненькие ручейки. С нового плаката на новой стене штаба за происходящим наблюдал новый президент. Усугубляя ощущение нереальности происходящего, откуда-то грянул джаз на духовых.

– «Серенада солнечной долины» Глена Миллера! – опознал я произведение. – Отличный выбор.

– Чего? – Сухраб с Женькой посмотрели на меня с раздражением. Я уже успел кратко пересказать им основные для нас новости.

– Музыка из фильма. Одноименного. Символично очень звучит.

– Зомби – Апокалипсис какой-то, вот как это кино называется.

Потом мы увидели военных. Именно таких, как и должны были выглядеть военные в моих фантазиях, как и мне хотелось бы выглядеть. Военные в количестве примерно взвода шли к штабу, и смотрелись они настолько внушительно, что сомнений у нас не возникло – дорогу надо уступить.

Взвод остановился напротив невысокого крыльца, встав в некое подобие двухшереножного строя. Вперед вышел командир и начал неторопливо перебирать в руках АКС-ГП, к которому почему-то пристегнут прицел от противотанкового гранатомета. Оружие как – будто липло к его мозолистым рукам, но на лице витало выражение рассеянного недоумения. Наконец автомат занял свое место за спиной на ремне, и стало понятно, что командир нечасто носит его так, как это рекомендовано строевым уставом.

Из штаба вышел высокий майор кавказских кровей. Командир отряда затянул было: «Взво-од...», но майор перебил его:

– Вольно.

Он с минуту водил усталым взглядом по строю, и по лицу его иногда пробегала не то улыбка, не то нервный тик. Строй между тем команду «вольно» воспринял буквально: кто-то подтягивал ремни разгрузочных жилетов, которые были здесь всех мастей и систем, кто-то перевязывал платок-бандану. Но все же видно было, что взвод уважает майора так же, как майор уважает этот взвод.

– Цифра на сегодня – семь, – наконец негромко проговори майор. – Вопросы ко мне есть?

– Разрешите обра-а-атиться, тава-арищ ма-айор? – тягуче заикаясь в каждом слове, выговорил непропорционально широкоплечий воин.

– Что, Миша?

– Когда-а бро-о-оники но-овые придут? Заколеба-а-ала эта чихуя.

– Вы же знаете, что первыми получать будете. Так чего спрашивать лишний раз? Работайте...

Майор глянул на взводного.

– НнаправОшагамарш! – одним выдохом пробурчал взводный, развернулся и тяжело зашагал прочь, увлекая за собой взвод. На первых же шагах ремень автомата скатился с его

плеча и, совершив пируэт, оружие легло на левый локоть. Ни у одного актера голливудских боевиков так не получилось бы ни за какой гонорар.

Сопровождавший нас прапор показался из дверей штаба.

– Разрешите обратиться, товарищ майор?

– Обращайтесь.

– Мне вот в Моздоке десяток срочников подсунули до вас сопроводить, а кому докладывать не пойму. Мне еще до Шелковской добираться. Дежурный по части ходит где-то, в штабе никто ска...

Договорить прапор не успел, ибо из глотки майора прогремел могучий рык:

– Гаврилова!

На мгновение в батальоне стало тихо, потом в недрах штаба что-то упало и послышался женский голос:

– Я здесь, товарищ майор!

На крыльце показалась женщина средних лет и вытянулась перед майором. Камуфляж, однако, не скрывал недостатков ее фигуры.

Майор не спеша достал сигарету, закурил и вкрадчиво – нежным голосом поинтересовался:

– Вы меня тренируете что-ли, прапорщик Гаврилова? Тренируете, да?

Гаврилова судорожно вздохнула:

– В РМТО¹?

– Так точно, там им пожрать хотя – бы дадут. Дневального сюда вызвони. Бегом!

Пока майор докуривал, было слышно, как прапорщик Гаврилова кричит в трубку:

– Дневальный РМТО в штаб к сто второму!

Сто второй метнул окурок в цинк, олицетворявший собой урну, и обратил взор на нас – стоявших в ряд трех новоиспеченных сержантов и семерых рядовых весеннего призыва. Все как один в ментовской форме.

– Откуда прибыли нарядные такие?

– 5502 Новокузнецк – отозвался я, потому что был на два сантиметра выше Сухраба, и на четыре – Женьки.

Майор оглядел нас по очереди, потом обратился к Сухрабу:

– Как фамилия?

– Младший сержант Турсунов!

– Откуда родом?

– Свердловская область!

– Бывает, – майор тяжело вздохнул и еле уловимо шевельнул плечами:

– Майор Имамгуссейнов.

– Товарищ майор, дневальный РМТО ефрейтор Герасименко по вашему приказу прибыл, – выпалило запыхавшееся молодое тело.

– Военный, а где ружье твое, а?

– Виноват, товарищ майор!

– Интере-есно, чем это товарищ майор виноват?

– Никак нет! Я виноват! Оружие под охраной дневального на КХО.

– Ну а если бы я тебя вызывал, чтобы ты меня защитил с оружием в руках, а? Ладно, слушай сюда. Десять человек ночуют в РМТО. Они ужинают и завтракают, понятно? Они спят. Пока они спят, у них ничего не пропадает с вещьмешков, понятно? Завтра после завтрака кто-то ведет их к сто четвертому.

---

¹ Рота материально технического обеспечения.

На этом сто второй потерял к нам интерес и, с видом человека, который не сомневается ни секунды в том, что как он сказал – именно так и будет, зашагал прочь.

– Ма-ать твою попрове-едовать, – нараспев, с явным облегчением протянул дневальный РМТО ефрейтор Герасименко.

Глава 3. Котелок

Ни в учебке, ни в своей «ментовской» части, взводных палаток мы не видели.

В Моздоке видели только снаружи. Тогда эти достижения военно – инженерной мысли особо заинтересовали Женьку, как человека наиболее из нас практического.

– Как думаете, сколько народу надо, чтобы такую поставить?

– Надо будет – в одну каску поставишь.

– Интересно – зимой холодно в ней? Метров десять в длину, ага?

Довести до ума дверь в столовую никому в голову не приходило. Еще чего – она же общая. Полог тамбура низко провисал, и на входе приходилось нагибаться чуть не вдвое, однако это отнюдь не гарантировало, что потревоженная капля конденсата не угодит тебе за шиворот. Протиснувшись через тамбур, мы остановились, пытаясь сориентироваться в незнакомом полумраке.

Посередине и справа относительно входа стояли грубо сколоченные высокие столы на всю длину палатки. Очередь на раздачу, устроенную в противоположном тамбуре, началась слева. Под столами навалены кучи яичной скорлупы, много ее было втоптанно в грязь на земляном полу. Жутко воняло хлоркой. Из соседней палатки доносился дуэт гитары и тромбона.

Всего в столовой, не считая нас, оставалось человек пятнадцать – на улице уже смеркалось.

– Кого привел? – устало и недовольно поинтересовался у нашего нового провожатого повар в изрядно закопченной белухе.

– Пополнение прибыло. Имамгуссейнов к нам ночевать отправил, кормить велел.

– Охмуревший сильно ваш... – на этом месте поварешка как – будто невзначай обернулся и окинул взглядом кухню, – Имамгуссейнов. Яйцев нету, кончились!

– Ну, мне-то вообще полведра наплевать. Хлеба дашь мне с чаем?

Получив пищу, на пути к столу я неуместно вспомнил, как же мне не хватает в нынешней армейской жизни такой простой штуки как унитаз. Вспомнил я об этом видимо потому, что отчетливо осознал: с сегодняшнего дня точно так же остро я буду скучать по тарелке.

Кушать из армейского котелка, мягко говоря, неудобно. Начинается все с того, что нужно не задерживая особо очередь подставить под наполнение котел, кружку, взять хлеб (а если это завтрак – то и печенюхи с сыром), а в обед – второе. Опирируя двумя руками, надо добраться до свободного места за столом, убедиться, что место пусто по причине опрокинутой на стол каши, найти другое место, лишенное недостатков, и расставить все, не опрокинув пищу самому.

Справившись с задачей в первый раз, я спросил у дневального:

– А нельзя на улице где–нибудь пожрать? Воняет чего-то тут – караул.

По его взгляду я понял: что я ему не нравлюсь, и что я не первый кому приходит в голову эта идея, и – что НЕТ, нельзя!

Каша была гнусная, чай – так себе, хлеб – великолепен.

Дневальный РМТО удалялся в стущающейся тьме. Догнали мы его возле большого сарая, обитого листовым шифером, из всех щелей и открытых дверей которого валил пар. Возле сарая стоял стол, на столе – огромная алюминиевая кастрюля с надписью «ХЛОР». Рядом, развалившись в изрядно потрепанном кресле, сидела женщина с петлицами медицинской службы на кителе.

– Здравия желаю, Надежда Васильевна, – сказал ей дневальный.

Нам он сказал:

– Шкандыбайте мыть котелки.

По сравнению со влажностью и ароматами, царившими в умывальнике, в столовой было свежо. Сухраб, явно уже на взводе, первым ринулся внутрь. Войдя следом, я старательно выбирал место, куда поставить ногу, вглядываясь в клубы пара. В свете тусклой лампы я увидел, как Сухраб сует котелок под струю одного из множества открытых кранов, роняет котелок в грязную раковину и отдергивает руку.

– Да что ж такое-то? Заколдованное здесь все что – ли?

Все краны торчали из одного и того же бака. Из всех кранов бежал кипяток.

Минут через семь мучений, кое-как отмыв котел от каши, я выскочил на улицу и двигался по инерции еще несколько метров, когда меня остановил голос медички.

– Стоя-а-ать, боец! Котелок к осмотру.

Опешив от необычной команды, протянул ей котелок. Надежда Васильевна, не вставая с кресла, поглядела внутрь, затем на ощупь нашла в кастрюле половник, зачерпнула и плеснула в котелок порцию раствора.

– С-спалас-с-скивайте, товарищ младший сержант, дабы не обдристаться.

Глава 4. Последняя ночь

РМТО логично располагалась недалеко от столовой и занимала двенадцать палаток, в то время, как первые четыре строевые роты – по шесть. Исходя из этого можно было предположить, что материально-техническое обеспечение такого аттракциона, как 358-й отдельный батальон оперативного назначения (он же – в/ч 6776), дело, мягко говоря – хлопотное.

Пост дневального в РМТО являл собой воплощение рекомендации устава гарнизонной и караульной службы – торчащий из песка столб с зонтиком из плащ-палатки, и полочкой для телефона полевой связи.

– Герасим, где ты проводишься? Я обоссусь сейчас!

– Первый раз что-ли? Где старшина?

– А ты догадайся с одного раза!

Каптерка была в палатке поменьше взводной, и полог ее в землю закопаны гораздо глубже, и на двери – петли для амбарного замка. Форт Нокс – не иначе. КХО² – в такой же точно палатке рядом – защищена от несанкционированного проникновения попроще. Правда второй дневальный с автоматом стоит аккуратно посередине.

На старшину мы произвели впечатление лишь тем, что были одеты в милицейскую форму. Когда он узнал, что судьба наша (то есть, кто из нас в какую роту попадет) еще не решена, – пьяно заулыбался.

– То я уж было думаю: где на вас камуфляж возьму? На кой ляд вы нужны, такие клоуны – милиционеры, гы – гы – гы!

Чтобы надежно обеспечить себе спокойный сон, старшина поинтересовался:

– Повара, связисты – есть?

Не получив никакого ответа, развернулся с явным намерением вернуться к прерванным занятиям.

– Старшина, а куда класть-то их?

– Герасим! Не тупи. Кто у нас в ночь на посту?

– Связь.

– Еще вопросы?

– Так связистов в ночь пятеро ушло, а этих – десять!

Ротные старшины в любых войсках – это как отдельная каста. Не суть даже – в каком звании человек попал на эту должность, хороший старшина или плохой, щедрый или, что гораздо чаще, прижимистый. Старшина очень многое знает и может. Старшина всегда мыслит иными категориями. На должности старшины любой военный пропитывается какой-то житейской мудростью с неотъемлемым армейским колоритом.

Вот и в этот раз старшина РМТО ответил ефрейтору Герасименко кратко, но емко.

– И чё-о-о?

***

Ночью стреляли. Мы, вновь прибывшие, но уже достаточно офанаревшие от происходящего вокруг, не знали, как на это реагировать.

Как только на батальон опустилась тьма, – то тут, то там затрещали выстрелы. То реже, то чаще, одиночными и короткими очередями. Иногда к автоматам подключались пулеметы, – их звук был чуть реже, но гораздо основательнее, сочнее. Звуки выстрелов носились над крышей палатки, а я лежал на втором ярусе шконки, упервшись в эту провисающую тряпку пото-

---

² комната хранения оружия

лочного полога носом, и думал, что должно пройти какое то время и случиться определенные события, чтобы я так же лежал и, видимо – спал, в то время, как вокруг стреляют.

Я решил выйти из палатки.

В Чечне начиналась осень. Ветер нес запахи незнакомого разнотравья и пороховую гарь. Где-то далеко на юге пылало зарево колоссальных размеров. С холма, на котором стоял батальон, открывался вид на широкую долину Терека. Самой реки видно не было – далеко еще до реки. Да и кто станет смотреть на воду, если над головой такое небо: низкое, облака по которому несутся, тесно сбившись, и облака те озарены огнем. Огнем далеким, могучим.

Забившись в тень, закурил, тщательно пряча огонек в ладони, вслушиваясь в ночь. К автоматам и пулеметам присоединился АГС-17³. Мне показалось странным, что сами выстрелы кажутся не такими громкими, как скрежет ленты в улитке. Разрывы АГСных гранат следовали через две-три секунды после выстрелов – стреляли куда-то недалеко.

Сигарета заканчивалась, я начинал думать что ЭТО – нормально.

Где то невдалеке командным голосом зазвучал цифры, смысла которых я не знал, а следом:

– Огонь!

Через секунду раздался ГРОХОТ.

Когда звон в ушах чуть отошел, стало слышно, как батальон ворочается на шконках. Повсеместно лениво, но искренне ругались матом. Дверь в палатку распахнулась от удара ноги. Кто —то вышел и закурил.

– Перекантованные трубадуры! Как же вы дороги мне...

***

Таким был день пятнадцатого сентября двухтысячного года.

Первый из трехсот девяносто пяти, по моим подсчетам.

---

³ Автоматический гранатомет.

Глава 5. Причастие

На столе в канцелярии второй роты стоял графин и офицеры сидели на дистанции вытянутой руки от него.

– Откуда красивый такой? – капитан вертел в руках и с выражением крайнего пренебрежения на лице разглядывал сувенирный ножик, в рукоять которого была вмонтирована зажимная галка. Закончив осмотр, он положил нож на стол перед майором и озвучил вердикт:

- Погремушка какая-то китайская. Только вшей меж полужопий гонять.
- 5502 Новокузнецк.
- А родом? – майор бросил ножик в ящик стола и шумно захлопнул его.
- Свердловская область.
- Маскайкин!
- Я, товарищ капитан! – раздалось из-за занавески.
- Есть у нас кто со Свердловской области?
- Никак нет!
- Не повезло тебе, товарищ младший сержант.
- Это я уже понял.

Майор и капитан переглянулись.

- Ну и куда тебя девать прикажешь? – риторически спросил майор.
- Ну, если совсем не нужен – можете на дембель отправить.

Москайкин за занавеской сдавленно захихикал.

– Чего-то ты сильно остроумный, как я посмотрю! – беседа начала утомлять майора, – может к АГСникам? – посоветовался он с капитаном.

– Куда там! Его соплём перешибить можно, а под АГСом он и в помине обгадится!

– Москайкин! А «рембо» это ушибленное, которое контракт разрывать собрался, он в каком взводе у нас числился?

- Во втором, товарищ майор!
- А старшина когда вернется?
- А пес его знает, товарищ майор!

Капитан взял со стола графин, отпил из горла и крикнул:

- Дежурный!
- Дежурный по роте в канцелярию! – проверещал на улице дневальный.

Через минуту в палатку зевая вошел рослый нестриженный младший сержант, на котором мешком на подтяжках висели зимние штаны-ватники без теплой подстеги.

– Вызывали, товарищ майор?

– Дед, ты чего это на себя напялил? Ты дежурный или где? – капитан был гораздо словоохотливее майора.

- То, что чистое было, товарищ капитан!
- Ты в этих портках уже две недели гоняешь! Не мог постираться время найти!
- А как я мазут-то отстираю?

– Ладно, черт с тобой. Вот это, – капитан наклонил голову, прищурил глаз и прицелился мне в живот пальцем, – твой новый друг и соратник. А по совместительству – комод два⁴ второго взвода. Вводи в ситуацию, старшина приедет – пусть принимает.

- Разрешите идти?
- Топайте, товарищи сержанты.

---

⁴ Командир второго отделения.

***

– У тебя сигареты есть? – после стандартного знакомства перешел к делу младший сержант Диденко.

– Порожняковые есть, «Дукат».

– О-о-о! Дукат – это шикарно, по сравнению с тем, что старшина выдает. «Приму» плесневелую.

Диденко был неуловимо похож на молодого Никулина. Он курил и блаженствовал, сидя на узловой чурке со следами долгих попыток расколоть ее.

– Чего у тебя еще есть порожнякового?

– Водки нет, денег рублей 100 осталось.

– Ну, и то вперед. Бумага туалетная есть?

– Есть.

Дед даже подпрыгнул, но все же сел обратно, докуривать.

– Надо заныкать, я знаю куда. А то у тебя один хрен утащат.

Вот кто бы знал. Особых планов на оставшиеся 100 рублей у меня не было, а туалетной бумаги на них можно было приобрести – взводу на месяц подтираться. Мог бы и додуматься, вспомнив уничтоженную библиотеку Омской учебки.

– Что-то тут совсем все плохо у вас.

– Сейчас уже ГОРАЗДО лучше. Когда свет провели и узнали где коньяк брать.

– Почем коньяк?

– Три банки тушняка или сотка денег. Ну, бензик еще берут, но тебе это не светит: ты не механ. Тушняк только говяжий берут. Килькой брезгуют.

– На кой черт им тушняк?

Дед посмотрел на меня, как смотрит отец на затупившего сына.

– Сам как думаешь? Хоббитам⁵ в горах тоже что-то кушать надо!

***

К ужину мои сто рублей стараниями Деда превратились в бутылку без этикетки, наполненную под горлышко мутноватой коричневой жидкостью. Сели после отбоя. В распитии участвовало пятеро – больше на второй ярус пары сдвинутых армейской кровати не влезло.

– А что за хрень в ночи бабахала? – старательно изображая невозмутимость, начал я беседу.

– Минометная батарея. Там она, за парком.

Тут я вспомнил, что на завтраке видел группу военных с петлицами артиллеристов. Разговаривали они вяло, но излишне громко. И пошатывались, топчась в очереди.

– А куда стреляют?

– Да кто ж их, дебилов, знает. Типа – летает в ночи хитрый вертолет с тепловизором. Где чего обнаружит – туда и лупят. Только я думаю – в белый свет как в копеечку они шмаляют. Сколько мимо не проходил – минометы всегда в одну сторону, в степь смотрят.

Намереваясь произвести впечатление нормального пацана, откровенно тупых вопросов я старался не задавать, поэтому про минометчиков ничего больше спрашивать не стал.

– Ну а командиры как?

– Ну как? Ротный, майор Гусаков – нормальный мужик.

---

⁵ Ваххобитам.

– Чмо он вялое! – перебил Деда долговязый ефрейтор Ярослав Ерусланов, – Бойтся он Снегова, а уж в штабе каждую жопу начисто вылизал.

– Капитан Снегов – это зам по боевой части, – уточнил Заяц. То, что зовут его Ваня Зайцев, знала только книга вечерней поверки.

– Снегов – мужик серьезный. Дерется, гад, больно. Ну и пьяный – буйный. Зато со штабными на равных разговаривает. Кроме комбата, ясен пень.

– А с комбатом чего не так?

Собутыльники заворочались – тема явно была больной.

– С комбатом, Андрюха, полный финиш. – Еруслан лежал на краю, спиной к тусклой лампочке. Говорил он спокойно, но в глазах горел недобрый огонек.

– Он на прежней должности начальником зоны был в Забайкалье. И мы для него – те же зеки. Он обыкновение имеет рацию свою об головы срочников разбивать. А потом обломки в рожу тебе бросит и скажет: «Вали к связистам, неси новую!». Во всю голову переконтуженое создание, короче.

– Да уж. Ну а взводный наш?

Парни заулыбались и Дед налил очередную кружку.

– А у нас взводный – золотко. Через неделю с отпуска приедет. Дядя Валя. Страшный лейтенант Шулятьев. Глухой только.

– В смысле – глухой?

– В смысле – слышит совсем слабо. Ему годов уже очень много, а старлей все еще, потому что из ментов перевелся в военные. Ну, дай ему Бог здоровья. Все бы командиры такими были.

Дед отхлебнул из кружки и передал коньяк Зайцу.

– И менты тоже!

А потом мы стали потихоньку болтать о том, да о сем, и кто чего повидал уже в армии, и чего у нас еще будет. Ржали потихоньку, ходили на перессык поодиночке, чтобы чужого внимания не привлекать и судьбу свою солдатскую лишний раз не испытывать. А когда допили вторую, непонятно откуда взявшуюся бутылку – завалились спать. Захмелевший изрядно, я успел еще улыбнуться и решил для себя, что не так уж все и плохо, как показалось сначала. И провалился в сон.

Глава 6. Казни египетские

А с утра потянулась служба, трудная и муторная. Я пытался вжиться в происходящее, уловить – что здесь да как, и зачем все это надо. И через месяц знал уже все, что было мне знать положено.

Место под батальон было выбрано к северу от станицы, на большом холме, метрах в семистах от крайних дворов. Правда, был еще хуторок, домов в пять, которые стояли совсем рядом, через дорогу на КПП. В том хуторке мгновенно появились предприимчивые местные, которые в любое время суток охотно принимали от военных тушенку и ГСМ, расплачиваясь сносным коньяком, дрянной водкой, дешевым пивом и семечками.

О тех днях, когда батальон появился в Червленной, говорили много и охотно. Рассказы те были преисполнены героическим пафосом. Суть рассказов сводилась к тому, что это невероятно трудно – в течении месяца рыть окопы день напролет, а ночью сидеть в этих окопах с ржавым автоматом в обнимку и делать вид что не спишь, – бдительно вглядываешься в ночь. Пьяные офицеры шарахались по траншеям, пинками будили солдат и рассказывали поучительные истории одна другой страшнее, о том, как это опрометчиво – спать на посту когда вокруг так и кишат боевики.

Из благ цивилизации оперативно могло появиться только электричество.

Дров не было. Дрова привозили из Сибири. Каждый день солдатня на нескольких шишигах⁶ ехала на вокзал доставать тяжелые сырые осиновые и березовые бревна из полувогонов, грузить в машины и вываливать на краю батальона. Там в любое время дня всегда находились человек тридцать со всех рот, а так же часть наряда по кухне. Бревна пилились на чурки пилами системы «Дружба-2». Пилы были тупыми и работать было тяжело. Время от времени находился доброволец, который заявлял своему старшине, что умеет наточить пилу, брал напильник и окончательно губил инструмент. Кололись дрова топорами, с приваренными кроватными ножками вместо рукоятей. Хотя наряд на дрова был не легче любого другого, желающие попасть в него находились всегда – главным образом потому, что никто там не стоял у тебя над душой, а огрести люлей можно было только в случае невыполнения нормы или потери инструмента. К тому же «лесосека» находилась в непосредственной близости от «пьяного» хутора.

Не было питьевой воды. За ней каждое утро куда то ходила цистерна в сопровождении БРТа разведзвода. Когда она останавливалась около столовой, со всех рот к ней шли дневальные с бачками. Вода отпускалась по норме – один бачок на взвод в сутки.

Тут и там вокруг батальона поднимались клубы пара – в этих местах на поверхность выходил родоновый кипяток, и тотчас исчезал в песке. Так что с наличием технической воды проблем не было – скважина давала воду в баню, умывальники и кухню. Вместе с кипятком шел природный газ, потому кипяток вырывался из труб рывками, прерывавшимися яростным шипением и бульканьем. Находились умники кипяток поджигать – из-за этого случилось несколько серьезных ожогов и один маленький пожар. Пить родоновую воду было можно, как и любую жидкость, но медицина настоятельно не рекомендовала этого делать. Так что первую осень и зиму батальон изнывал от жажды.

Вторым бичом была грязь.

Для того, чтобы по-человечески помыться, нужно было встать за час до подъема. К этому времени кипяток в умывальниках успевал остыть до приемлемой температуры. И это был единственный вариант. Для того чтобы остудить кипяток просто не было других емкостей, кроме баков над умывальниками. В батальоне имелась баня, которая располагалась в палатке возле санчасти, и мы, как и все нормальные военные, должны были посещать ее как минимум раз

---

⁶ Грузовик ГАЗ-66.

в неделю. Только вот мыться под душем водой, температура которой 93 градуса по Цельсию, мягко говоря – не комфортно.

Первый раз нормально помыться мне довелось незадолго до Нового 2001 года.

Самой большой радостью для нас была смена белья. Постельное, белухи и портянки возили то ли с Ханкалы, то ли с Грозного, и случалась сея радость приблизительно раз в месяц. Практически невыполнимой задачей была стирка формы. Подменки у старшин не было. Высушить китель со штанами за ночь было нереально, не говоря о бушлате с ватниками. Все, что военнослужащий мог себе позволить, – решиться провести бессонную ночь (если той ночью он был свободен) за стиркой портянок. Для этого нужно было после отбоя пойти в умывальник, сунуть половину портянки под струю кипятка, потом размахивать ею, чтобы остыла, намылить и повторить так же с другой половиной. Ночью портянки сушились возле печки. И даже этот простой процесс необходимо было контролировать – портянки могли прогореть, а могли уйти, ибо скомуниздить стираное всяко проще, чем стирать самому.

Напасть третья – вши.

Вши приехали в батальон вместе с матрацами, неизвестно сколько хранившимися на каких-нибудь секретных складах на случай ядерной войны, и от долгого лежания принявшие толщину и структуру досок. Во многих матрацах сохранились следы жизнедеятельности грызунов.

Сожительство с вшой – дело на редкость неприятное. Вошь первым делом селится на пояс, в бельевых швах. Размножается бурно, охотно, кусает азартно, зло, отчего по телу распространяется раздражение. Травили вошь сообща. Раз в неделю медичка выставляла под взводом трехлитровую банку с вонючим раствором, и выдавала несколько одноразовых шприцов. Раствор следовало наносить по всем швам одежды, после чего вошь на несколько дней отступала.

Вшей ласково называли БэТэРами.

Несмотря на все меры, которые принимались в вопросах гигиены питания – к концу первого месяца в батальоне случилась дизентерия. То была сушая катастрофа. Поголовье больных решительно не помещалось в двух палатках санчасти. Скучная медицинская библиотека была уничтожена за неделю, а первые письма с далекой Родины пришли только через два месяца. Дневальные по санчасти искали опустошенные пивные полторашки, набирали в них кипяток и выставляли возле дверей сортира студить. Больным волей-неволей приходилось перенимать местные обычаи оправления туалета.

Строился и закапывался батальон ударными темпами. Весь день напролет экскаватор копал по периметру глубокий ров, складывая вынутый грунт на внутреннюю сторону, безжалостно уничтожая обустроенные неделей ранее щели, окопы и ДОТы⁷, после чего огневые точки восстанавливались, но уже на валу. По углам аккуратного квадратного периметра поднялись караульные вышки. Эти круглосуточные посты в целях безопасности были обиты толстыми железяками, украденными с железной дороги. На постройку этих вышек, да еще кухни, ушла почти вся деловая древесина. Все остальное строилось из того, что удавалось найти в развалинах. Развалин в округе было много, на них отправлялись саперы, и складывали то, что удавалось добыть, в большую кучу. Куча эта являлась объектом особо охраняемым, поскольку хотя бы какие-то стройматериалы требовались всем. Специальный офицер из РМТО постоянно торговался возле кучи со старшинами, клянчившими несколько досок на неотложные нужды.

Первыми кирпичными зданиями, появившимися в батальоне стали штаб и кича⁸, которая никогда не пустовала. Контрактники и офицеры пили много и буйно. Оружие было повсюду – изоляция перебуханых военных являлась необходимостью.

---

⁷ Долговременные огневые точки.

⁸ гауптвахта

Глава 7. Беседа

Первый раз огреб я через неделю по приезду.

Подошла моя очередь заступать дежурным по роте. Ночь прошла без происшествий, подошло время подъема.

– Командуй, – сказал я Зайцу.

– Вэ-э-э-этараяротапа-а-а-А-А-А —ДЪЕ-О-О-О-М! – Зайцевская манера орать команды с поста дневального походила на то, как в ринге представляют боксеров.

– Завали хлебало! – отозвался третий взвод, поголовье «крутых и дохрена отслуживших» в котором превышало половину.

Заскрипели шконки, захрустели в расправляемых молодых плечах суставы, захлопали портянки. Народ, кто не видел в себе выдающихся заслуг и особенностей, вылезил из палаток и брел к забору на перессык.

Утренняя зарядка – святой армейский ритуал во все времена – в батальоне «Пьяные Винни-Пухи» не практиковалась. Только разведвзвод, в тех редких случаях, когда не уходил в ночь по своим неведомым делам, выбегал на пробежку. Бегали они, отжимались и подтягивались в бронежилетах, чем недвусмысленно подчеркивали свою принадлежность к элите.

Остальной же люд время до завтрака коротал как придется. Кто-то находил в себе силу и решимость сходить до умывальника умыться рожу, кто-то, удовлетворив неотложные физиологические потребности, возвращался к актуальным и досыпал поверх запроваленной кровати, кто-то уже озадачился тем, что котелок его за ночь вырастил ноги.

«Крутые» досыпали по-людски, и в то время, когда все остальные уже топтались на месте построения.

– Третий взвод, выходим строиться на завтрак.

– Слышь, мент. Еще раз зайдешь сюда – рожу сломаю! – из темноты вылетел сапог и приземлился возле моих ног.

– Рота уходит на завтрак через семь минут! – тщательно выговаривая слова, чтобы голос не дрогнул, ответил я и запнул сапог обратно в темноту.

***

– Слышь, сержант, тебя там на беседу приглашают.

А я, сменившись с наряда и завалившись на кровать, уже начинал верить, что сегодня беседа не состоится.

– Ну, пойдем.

***

Кузя парнем был здоровым и выглядел старше своих лет. Разговаривал он неспешно, рассудительно и, в отличие от остальных крутых, голос никогда не повышал.

– Ты, сержант, человек в роте новый. Поэтому и выкаблучиваться тебе еще рано.

Дальний проход между палатками освещался только луной и редкими далекими отблесками от качавшихся на ветру фонарей. Беседовать собрались человек десять. Кузя обозначал точку зрения собравшихся, те, временами, добавляли упущенное. В голосах «подсирал» привычно проскакивали истерические ноты. Я вяло соглашался, так как спорить особо было не о чем.

– Так что вот, сержант, придется тебе огрестись маленько.

– Ну, в этом я не сомневаюсь.

– Чё-о-о-о ты сказал? – самый мелкий и самый задиристый, как это бывает, АГСник но кличке Бес рванулся в мою сторону, но на полушаге наткнулся на непреодолимую преграду в виде Кузиной руки.

– Есть у тебя выбор, сержант, – невозмутимо продолжал Кузя. – Можешь ты с одним из нас схлестнуться, а можем мы тебя толпой в грунт втоптать. Чего выберешь?

– А с одним – это с кем?

– А вот с Мишей Стадником.

Миша тоже парнем был не хилым.

– Что-то здоровый сильно, ссыкотно мне. Давайте лучше толпой.

Драться я никогда не умел. Но во времена волосатой юности заметил, что когда кумарят толпой – то друг-другу непременно мешают, отчего количество ударов получается большое, но действительно тяжелых – не так много до цели доходит.

Крутые вяло попинали минуты полторы, на том и разошлись.

Коварный расчет оправдался. Даже форма моя ментовская осталась целой.

Глава 8. Расклад

Сухраб попал в автороту, Женька в минометку. Встретились мы дней через десять, возле столовой. Увиделись в толпе легко – никого из нас из ментовской формы так и не переодели. У каждого на лице были следы бесед с крутыми.

– Я через неделю на мост уезжаю, – Сухраб, который даже в омской учебке не набрал веса, сейчас выглядел похudevшим.

– Это через Терек который?

– Ага. Наши там блок-постом стоят, меняются через месяц. Говорят – постреливают там, с того берега.

– Так может тебе боевые посчитают, пока ты на блок посту тусоваться будешь?

– Да вряд ли. Он же на этом берегу стоит.

– Но пуля то долетит!

– Андрюха, ты сплевывай иногда, и по голове своей деревянной стучи, когда такие вещи говоришь.

Повздыхали, закурили еще по одной.

– Вам тоже сигареты с плесенью дают?

– Да. А я думал – у нас старшина их специально проквашивает, чтобы меньше пазили. Сам-то не курит, собака.

– А мне ЗИЛа дали. Рухлядь. Завтра заводить будем. Так что – свидимся на мосту, если повезет к вам ехать.

– Тебе уже повезло, Женька. С коньяком будешь.

– Куда там. Бензик пипетками выдают. Ну, посмотрим... Писем никому не было еще?

– Мне писарь рассказывал, что почта через Ханкалу ходит. Адрес местный знаешь?

Адрес батальона был военно – секретным: Москва-2000, в/ч 6776.

– Знаю, как не знать.

– Писарь говорит – Москва-2000 – это Ханкала и есть. Письма там со всей Чечни собирают. Как накопится на грузовик – так в Моздок везут. Короче, почта в среднем за два месяца обрачивается.

– Совсем печально так-то.

Разошлись молча, часто оглядываясь друг – другу вслед.

Глава 9. Охотник

Первое письмо мне принес Хойко.

Мы пилили дрова. Большая часть нормы уже была выполнена, когда за моей спиной раздался его тихий, лишенный эмоций голос.

– Здравствуйте, сержант, товарищ Андрей.

Я не мог поверить глазам.

Хойко одет был в малоношенный натовский камуфляж, поверх которого красовалась криво штопаная снайперская разгрузка. СВД стволом вверх болталась за спиной. Сомнений не было – Хойко службу несет в разведдивизионе.

– Здравствуй, Три Икса.

Прозвище к нему прилипло в Новокузнецке. Как еще можно было прозвать человека, в чьем военном билете написано: «Хойко Хасерович Харатетто, национальность: хант», стрелял который навскидку, невероятно точно, вызывая неподдельное восхищение офицеров?

Призвался Хойко в возрасте 25 лет, но выглядел глубоким стариком. По-русски сначала говорил совсем плохо, но когда освоился и разговорился (по его национальным меркам) – над ним начали смеяться.

– Отец – сильный охотник, – бывало невпопад начинал он свою ни к кому не обращенную речь, – я тоже сильный охотник. Оленей много у меня. Жена нет, я богатый. Вертолет прилетел, сказал – Хойко надо в армию иди. Ружье не бери, сказал, в армии есть ружье.

Уже на этом месте половина слушателей давилась от смеха, а Хойко продолжал рассказ своим бесцветным тихим голосом.

– Сказал, садись, Хойко, в железный вагон, через два дня придет начальник, скажет куда дальше идти. Никогда я вагон не видел, откуда мне знать, что в вагоне туалет бывает? Два дня на доске лежал...

В этом месте он отрывал свой взгляд от пола, начинал тихонько смеяться и хлопать ладонью по колену. Слушатели в это время валялись по полу.

Я не смеялся. Хойко это видел.

Из Новокузнецка его забрали внезапно. Взводник пояснил нам, что оленеводов на войне ценили всегда. За выносливость ценили, за неприхотливость, за врожденное стрелковое мастерство.

И вот теперь Хойко нашел меня, сел на чурку и начал говорить.

– Разведка в Ханкале почту взял. Когда едем, командир письма смотрит. Смотри, Хойко, с твоей части письмо, Новокузнецк. Я смотрю, говорю: это хороший человек, я его искать стану. Вторая рота пришел – дневальный говорит: Андрей дрова пилит. Вот, я тебя нашел.

Хойко достал из кармана письмо, и подал мне его, держа как большую ценность двумя руками.

– Спасибо тебе, Хойко. Ты – добрый человек.

– Андрей, когда ты приехал?

– Дней двадцать назад. А ведь нас трое с нашего призыва приехало. Ты помнишь Сухраба и Женьку?

– Вы, русские, все одинаковые. Я своих оленей меньше путаю, чем русских.

Я понял, что Хойко шутит. А если шутит – значит все у него хорошо.

Глава 10. Глупость

Мама, когда писала это письмо, еще не знала, что я уехал. И поэтому письмо жгло мне руки и что-то еще внутри. Я писал ей из Новокузнецка, в письмах старался по возможности мягче подвести ее к факту, что едут все. Я писал, что возвращаются все, и с деньгами, и срок службы сокращается вдвое и сам почти верил написанному. В последнем письме из России, кратком, нацарапанном в спешке, я даже не смог сказать точно – куда именно еду. И забыл попросить прощения.

Я читал неактуальные вот уже больше месяца новости о погоде, о домашних заботах моих родных, об урожае, но думал о другом. В батальоне сегодня была только одна тема для дум и разговоров.

Утром, когда батальон стоял на разводе, со стороны Червленной раздался взрыв. Штабные переглянулись и Имамгуссейнов помчался в дежурку. Заголосили носимые рации «Эрика». В строю шептались и переглядывались. Развод закончился без марша, роты ушли по расположениям. Оркестр остался недоволен.

Подорвался грузовик, который вез новые бронежилеты. Подорвался на дороге, не доехав до батальона четырехста метров. Подорвался на повороте, наехав на нажимной фугас задней тележкой полуприцепа. Подорвался после того, как тридцатью секундами ранее над фугасом проехал БТР сопровождения, в котором ехал Хойко и еще десяток народу с разведзвода.

И вдруг оказалось, что ВСЁ – правда. Рассказы батальонного замполита о вреде пьянства, заключается которое не в том, что пить вредно, а в том, что не все гонцы вернутся. Что все местные – потенциальные агенты боевиков, что за батальоном наблюдают постоянно, что однажды могут и напасть. И то, что севернее Терека официально нет боевых действий – еще не гарантия того, что какая-нибудь железяка не прилетит тебе в голову.

По понедельникам на разводе объявляли Цифру. Не ту цифру, которая является ночным цифровым паролем, другую. Понедельничная цифра варьировалась в пределах 15, однажды на моей памяти была 22. Ноля не было ни разу.

Цифра говорила о том, сколько военнослужащих Российской Армии в Чеченской республике погибло за истекшую неделю.

Мало кто из нас принимал Цифру всерьез. А может – это была простая юношеская бравада. Говорили друг – другу так:

– Дебилы какие-нибудь по нужде в незнакомые кусты ходят, под ноги не смотрят – растяжки собирают.

– Броник надо носить! Если в башку не прилетит – остальное зарастет.

– Военных в Чечне сколько? Много. Да и сама Чечня – большая. По одному в день стрелять будут – до меня очередь долго не дойдет.

Мало кто из нас осознавал тогда, что всей земли Чеченской – за века кровью пролитой, огнем жженой, сапогами служивых людей топтаной-перетоптаной – всего-то сто десять на сто семьдесят километров из края в край. И что смерть и математика – две большие разницы.

Я читал письмо, и понимал, что совершил самую большую глупость в жизни.

Глава 11. Сникерсы

Из-за новых бронежилетов вышла небольшая возня. Было их два вида: «Кора-Колун» и «Коррунд-В». Первый представлял собой два щита, закругленных под среднестатистический солдатский организм, которые висели на плечах на широких лямках, а под мышками запоясывались липучками. Второй выглядел солиднее: его щиты были скрыты листами баллистической ткани, имел он высокий ворот и карманы под автоматные рожки – в целом выглядел гораздо солиднее. Крутые дизайн оценили и присвоили Коррунды, однако после первого же дня занятий желания выглядеть стильно всегда и везде изрядно поубавилось. Коррунд весил 16 кг, Кора – 12. Если носить бронежилет больше трех часов без перерыва – разница в четыре килограмма оказывается весьма существенной.

Возвращаясь с занятий в палатку и, последним усилием воли, забрасывая бронники на дужки кроватей, мы испытывали мало с чем сравнимое блаженство. Ступни непроизвольно поднимались на носки. Позвоночник, казалось – вытягивался на полметра. Кровь, свободно расходившаяся по плечам, гудела в руках. Из груди с рыком вырывался заковыристый матерок.

Я ненавижу свой бронежилет. Я его берег. Я верил ему и надеялся на него. Он стал частью меня, моей кожей. И он выручал меня хотя бы тем, что служил мне кроватью во время выездов.

На тех же бронежилетах готовились «сникерсы» – одна из немногих доступных нам радостей.

Насколько я понимаю, «сникерс» как одно из традиционных блюд армейской кулинарии, родилось в караулах секретных сибирских заводов.

Для приготовления «сникерса» вам понадобится:

Военная булка хлеба (1 кг)

Сливочное масло.

Сахар (если масла с сахаром нет, их можно заменить сгущенкой).

Печь системы «Буржуйка».

Металлическая кружка.

Бронежилет 5-го класса защиты «Коррунд-В»

Военный деревянный табурет.

Военнослужащий первого года службы.

Блюдо является традиционным, поэтому отступления от ритуала его приготовления недопустимы.

Итак, первым делом мы отламываем у табурета ножки и забрасываем их в печь. Эта часть традиции скорее является необходимостью, поскольку часто ножки от табурета – единственная доступная сухая древесина, а температура для готовки требуется высокая.

Грудная пластина вынимается из бронежилета и кладется на печь вогнутой стороной кверху.

Рядом ставится кружка в которой начинает растапливаться масло.

Военная булка хлеба режется вдоль в вертикальной плоскости. Когда бронепластина достаточно раскалится, на нее кладется одна половина булки коркой вниз.

Пол-булки засыпается сахаром, сверху поливается горячим маслом. Либо, если масла с сахаром не нашлось (хотя ортодоксы считают, что кошерный сникерс может быть только с сахаром и маслом), заливается сгущенным молоком. Далее сверху кладется вторая половина булки и все это накрывается сидущкой от табурета.

Следующая часть действия является наиболее ответственной, хотя и напоминает цирковой номер: военному служащему первого года службы ставят на конструкцию сверху, дабы он весом своего организма расплющил булку.

Итак, через семь с половиной минут на выходе мы имеем тонкую маслянистую лепёху, ароматную, хрустящую и весьма приятную на вкус. В трапезе участвуют все, кроме чуханов.

Глава 12. Чуханский угол

Доходяг мне поначалу было жалко, но потом я начал на них злиться. А потом – ненавидеть.

Так было с Власовым. Его койка была над моей. Меня это устраивало, так как спать с болтающейся перед носом крышей палатки мне не нравилось. Роста Власов был среднего, но телосложением – атлет. Знали, что он учился в цирковом училище, и на досуге заставляли его крутить сальто с места назад, что он, после нескольких тычков, обычно проделывал. Били его не часто – брезговали. Проблема его заключалась в том, что Власов не следил за собой и не мылся. Совсем.

Однажды, в период обострения борьбы взвода за чистоту, Власова заставили раздеться. Его бледное мускулистое тело было сплошь покрыто коростой от постоянного расчесывания. Брошенный на землю свитер шевелился от вшей. Я не думал, что такое бывает.

Свитер облили бензином и сожгли. Остальную одежду свалили на землю за крайней палаткой, вылили на нее трехлитровую банку «противобэтерного» раствора и заставили мокрую кучу мять. Матрац и постельное под матюги старшины утащили на помойку.

Было в роте еще человек двенадцать разной степени запущенности.

Зилибоба – тихий сибирский мальчуган, выросший в глухой деревне без отца. Наверняка хороший парень, но влиться в армейскую жизнь, с её жесткой борьбой за место в иерархической шкале координат, у него шансов не было. Еще на КМБ его начал шпынять и эксплуатировать свой же призыв. Зилибоба злился, и несколько раз яростно кидался на обидчика. Здоровье у него было – не успел он его пропить до призыва с более бойкими односельчанами, и непременно заломал бы любого, но били Зилибобу всегда гуртом, и это находили забавным.

Ефрейтор по фамилии Капрал – низкорослый крепыш невероятной силы. Все смеялись над ним, и говорили, что служит он за кого-то другого – Капрал носил тяжелые мутные очки, притянутые к затылку засаленной резинкой. По чьей-то злой иронии Капрал занимал должность помощника гранатометчика, и, выезжая на обязательные стрельбы, страшно своим видом пугал инструкторов. Из носа у Капрала постоянно текли ядреные зеленые сопли, что, по мнению товарищей, было не эстетично.

Рядовой Елеин, на редкость противного вида тип. Писарь Москайкин рассказывал, что судя по записям в военном билете Елеина, – успел он за полгода поменять пять военных частей. Такое возможно было только в том случае, если у руководства были серьезные опасения за жизнь служивого, – иначе никто из начальства связываться с бумажной волокитой по переводу попросту бы не стал. Когда я поднимался среди ночи до ветру, возвращаясь и стягивая с голых ног холодные сапоги, я видел, как он сидит возле печи, выполняя обязанности вечного истопника. В отблесках огня он напоминал мне какое-то чудовище из детства. Потом вспомнил – именно так должен был выглядеть прозябающий в своей пещере Голлум.

Чуханы обитали в своем чуханском углу, вели какую-то свою особенную жизнь, выполняли грязную работу и служили вечным громоотводом копившейся злобы. Когда рота уходила на занятия, или случался выезд – чуханы оставались в роте и могли немного пожить спокойно. Говорили, что существует секретный приказ: доходягам оружия не давать, во избежание самострелов, суицидов и прочих неприятностей.

Глава 13. Соль

«Тревога» сыграла за пару часов до подъема.

Снегов занял позицию возле входа в палатку КХО, и подбадривал получающих оружие бойцов пинками и матюгами. Сколько не тренировала рота подъем по тревоге – свалка и неразбериха оказалась неистребима.

– Семь минут, – констатировал капитан время сбора, – паршиво! Будем тренироваться. Но – не сегодня!

Сонные бойцы, с висящими из голенищ портянками и не застегнутыми кителями под бронежилетами, соображали спросонок туго. Но постепенно до каждого дошло, что тревога не учебная.

Снегов выглядел бодрым, умытым и заправленным. Азартная, хищная его улыбка светилась в предрассветной тьме.

– Ну что, вторая рота, сегодня до обеда нас ждет маленькая увеселительная прогулка до станицы Юбилейной, где СОБР и доблестная Чеченская милиция задумали проверить паспортный режим. Задача батальона – проследить, чтобы никто с Юбилейной не убёг, не предъявив свою физиономию и документы компетентным органам. Через 12 минут рота стоит в парке возле своих машин. Все уже пописали и покакали, и готовы дать отпор даже угрозе НАТО. Командиры – командуйте.

С рассветом, яростно громыхая, завывая и чадя, колонна вырвалась с территории батальона и понеслась на запад.

***

– У кого чего пожрать есть, колитесь и делитесь! – Саша Малкин, контрактник на должности наводчика пулемета, выпался и выбрался из машины, – Сколько время, кстати?

– Второй час...

– Ага, второй. Как там Снегов говорил – до обеда обернемся, так? Ничего, пацанчики, привыкайте.

Стало уже почти жарко. Малкин разделся до пояса и полез умываться в канал, мостик через который досталось охранять нашему экипажу. Вся Сашина спина и шея до затылка были покрыты шрамами от ожога.

– Это где он так поджарился? – спросил я у валявшихся рядом бойцов.

– Да черт его знает, – в своем духе пробурчал Еруслан, – может загорал неосторожно.

Поржали.

– Я слышал – в БМП он горел, на Минутке, – сообщил Заяц, который слышал все про всех, – И Снегов с Имамгусейновым там познакомились. Потому и дружба у них.

– Как со Снеговым вообще дружить можно? – Женька Аксенов, штатный снайпер, разглядывавший окрестности через прицел СВД, посмотрел на Зайца удивленно: – он же в каждом предложении по три раза собеседника по матери прокатывает? Вообще – ВСЕХ! Даже когда трезвый.

– Это у него защитная реакция такая.

– Защитная – от чего?

– Ну, типа, знаешь – как в кино каком-то. Там командир тоже посылал всех, чтобы не привязываться, если вдруг убьют. А в финале нормальным мужиком оказался, спас всех. Почти...

– Я не удивлюсь, если его из своих же кто-нибудь подстрелит! Да ну их всех козе в трещину! – Аксен аккуратно положил СВД на борт машины и постучал по броне каской:

– Пертович, хорош дрыхнуть, вылазивай!

– Чего шумишь? – механик – водитель высунул свою закопченную рожу в люк.
– Чего-то не верю я, чтобы у доблестных механов ничего на предмет пожрать в машине не было!

Петрович прислушался к ощущениям в животе и задумался.

– Есть. Соль.

– Замечательно! – Было непонятно – сарказм это или что-то еще, – А котлы ваши в машине?

Голова Петровича на пару секунд скрылась из виду.

– Здесь, ага!

– Ну, давай их сюда!

В этот момент Аксен уже владел вниманием всего отделения. Молодой солдатский организм, приученный к режиму, болезненно реагирует на два фактора – преждевременный подъем и сбой в приеме пищи. Выспаться мы уже успели, но отсутствие завтрака и обеда боевой дух подрывало основательно.

– Короче, сейчас я вас обедать стану! – фигура Аксена с котелками в руках вырисовывалась на фоне безоблачного неба, как на плакате, – только ходить за мной не надо.

Заинтригованные, мы следили за ним голодными глазами, пока он минуты две ходил по краю канала, а затем скрылся, спустившись к воде.

– Там что – рыба есть? – предположил Еруслан.

– Пиявки там одни. Это же оросительный канал. А сейчас урожай собрали уже везде. Да и видел ты, чтобы тут сажали чего-нибудь?

– Товарищ сержант! – шутливо – пренебрежительным тоном затянул Еруслан, – Это вы в Чечне без году неделя, а мы когда приехали – тут на полях знаешь сколько арбузов и дыни лежало еще?! Гнилые правда уже, но сельское хозяйство здесь есть и процветает! А по сезону, говорят, – тут еще и клубнику возят грузовиками.

– Хорош тебе про жрачку. Однако, чего Аксен-то задумал?

– Он с малолетства у себя на Алтае горным туризмом увлекался, – снова блеснул информированностью Заяц, – Даже какие-то корочки инструкторские имеет. Почему, думаешь, ему весло⁹ всучили? Так что он кашу из топора замутить могёт, а уж из пиявок – праздничный ужин с тремя переменами блюд.

– Я пиявок жрать не буду! – Петрович в своем промасленном кителе сам от пиявки отличался не так, чтобы очень.

– Может змей ловит? Их тоже жрать можно.

– Ночи холодные уже для змей.

Из арыка тем временем начал подниматься дымок.

– В первую войну, говорят, собак жрали.

Сашу Малкина аж подбросило.

– Дебил, слушай больше, чего говорят.

Саша попытался прикурить, но руки у него тряслись, и спички ломались. Заяц подал зажигалку.

– У них тут собаки – видел какие? Это тебе не тузики вокзальные. А когда весь Город двухсотыми завален – думаешь, они голодными по помойкам шарились? Дебилы малолетние – порете всякую бредятину!

Разговор как-то заглох.

Когда Аксен вылез из арыка и подошел, все мы молчали, думая о своем.

– Ну что, кто смелый? Кто попробовать будет?

---

⁹ снайперская винтовка

– Чего у тебя там, поварешка? – Заяц, как всегда первым начинал отходить от грустных дум, – показывай.

– Нет, – Аксен сунул Зайцу под нос накрытый крышкой котел, – нюхай, съедобным пахнет?

– Это не рыба, пацаны. Хотя – черт его знает. На куриный бульон похоже, с пряностями какими то.

– Надо в машине кроме соли еще лаврушку завести. И перцу. Что-то подсказывает мне, что не крайний раз я вас кормить буду.

Аксен поставил пару аппетитно дымящихся котлов между нами, снял крышки и мы полезли смотреть, чуть не сталкиваясь лбами. В котлах, полных до краев, под слоем кружочков жира, между листьями какой-то травы белели разваренным мясом лягушачьи лапы.

– Это сколько ты их угробил, на два котла то? – промолвил Еруслан, первым обретший дар речи.

– Ну, ты же видел, какие они здесь здоровые. Штук тридцать, наверное...

Стали решать, кто будет пробовать первым. Аксен в это время черпал бульон, дул на ложку, ел и нахваливал. А потом вдруг сказал:

– Смотри, сержант, идет кто-то...

Глава 14. Хлеб

– Здравствуйте, уважаемый Хаджи.

Мы встретились со Стариком на мосту. Он посмотрел на меня усталым изучающим взглядом из-под кустистых седых бровей, криво усмехнулся и ответил:

– И ты будь здоров, солдат.

С минуту молча глядели друг на друга.

В лучшие его годы Старик был поистине гигантом. Даже сейчас, тяжело опираясь двумя руками на посох, он мог смотреть на меня сверху вниз, а его усталые плечи заслоняли от моего взгляда все село. Высушенные болезнью ноги, еле угадывавшиеся в вытянутых на острых коленях трениках, с трудом держали тело.

– Куда вы идете, уважаемый Хаджи?

Старик снова зыркнул на меня, потом отвел взгляд в сторону и заговорил.

– Не называй меня так, солдат. Я не совершал Хадж и не пойду уже. Мне этого не надо. Я шел говорить с тобой.

– О чем говорить, Дедушка?

Старик ладонью утер пот со лба, потянул себя за бороду.

– Что ты здесь делаешь, солдат?

– Служба такая, Дедушка. Стою, охраняю...

Он не смотрел на меня, он смотрел сквозь... Он видел мост через шумный канал, который поит поля. Он видел детей, что резвились в воде. Он знал, что так и должно было быть. И так оно и было когда-то.

– Охраняешь... Послали... Всех вас посылают, – старик говорил тихо, тягуче, как будто сам с собой, – своей головы нет у вас. Вам скажут – вы исполняете, вы не виноваты. Служба такая, долг! А то еще и бежите наперегонки... А те, – Старик ткнул пальцем себе за спину, на юг, – Аллаху задолжали. Шариат они вспомнили! Хотя Корана в руках не держали. Всех вас гоняют как овец, как свиней! – здесь старик снова испытующе посмотрел мне в глаза, – а вы убиваете друг друга. И никак не уйметесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.